

ЭФФЕКТЫ МЕСТА

А. Е. Сериков

**Что значит быть русским:
русская языковая картина мира,
русский характер и восприятие русских со стороны**

Как воспринимают русских англоязычные иностранцы, на какие черты русского национального характера обращают внимание прежде всего? Как соотносятся западные стереотипы восприятия русских с представлением самих русских о себе? Существуют ли какие-нибудь объективные основания говорить о том, каков русский характер «на самом деле»? Эти вопросы лежали в основе моего небольшого реферативного исследования, предпринятого в целях подготовки к участию в международном семинаре «Империя наций: образ России в современных западных теориях»¹.

Поскольку исследование планировалось как увлекательное, в первую очередь я занялся поиском анекдотов о русских на англоязычных сайтах². Удивительно, но таких анекдотов *не так уж много*, гораздо меньше, чем про ирландцев, канадцев, мексиканцев и т. д. Англоязычная публика, особенно североамериканская, интересуется собой и своими соседями намного больше, чем какими-то далекими русскими. А про русских знает, в основном, из опыта общения с эмигрантами. Отсюда такой анекдот: ты русский в США, если по дороге *в синагогу* встречаешь так много знакомых, что никогда до нее не доходишь. Как написал один из участников форума, где обсуждаются подобные шутки, «я горжусь, что я не русский, а русский американский еврей!». Итак, русские

¹ Семинар проходил на теплоходе «Александр Герцен» во время круиза по Волге 22–29 июля 2007 г. при поддержке РГНФ, грант 07-03-03404.

² Например, см.: www.russophile.com/russia_blog/4-101-ways_you_know_you_have_been_russia_too_long.html и www.thatwasfunny.com/you-know-you-are-russian-when/906

евреи за границей становятся русскими, так же как русскими в какой-то мере становятся многие украинцы, татары, башкиры и вообще жители бывшего СССР. То есть русский за границей — это тот, кто говорит по-русски.

Какие черты русских можно вычлениить на основе упомянутых анекдотов? Русские бедны, многократно используют вещи, которые на Западе принято выбрасывать. Например, собирают разные коробочки, фольгу и упаковку, используют в качестве мусорных пакетов те, в которых принесли продукты из супермаркета, хотя ведь существуют специальные пакеты для мусора! Они вообще плохо понимают, что у каждой вещи есть ее, и только ее, специальная функция. С другой стороны, они любят дорогие вещи, украшения и машины, тратя на них в процентном отношении намного больше, чем может позволить себе белый протестант англо-саксонского происхождения (WASP). Они ездят в дорогих немецких и японских автомобилях, но также в автомобилях, купленных по дешевке с рук и отремонтированных самостоятельно. Русские не знают, что такое личное пространство и приватность вообще, плохо понимают, что такое частная собственность и авторское право. Они не уважают законы, и среди них много правонарушителей. Любя красивый образ жизни, русские носят фальшивые часы и фальшивую одежду от кутюр. Все их диски — пиратские. Русские любят кожаную одежду и носят ее к месту и не к месту. У них отсутствуют должные представления о здоровом образе жизни, они много пьют и не боятся холестерина. Русские умеют готовить! Они непунктуальны, поэтому с ними трудно вести бизнес, но они могут найти то, что не найдет обычный западный человек. Потому что у них много родственников, друзей и знакомых, которые считают себя обязанными им помочь. Русские слишком зависят от мнения родственников. Они слишком любят душевные разговоры, особенно когда выпьют. Русские студенты невнимательны на лекциях и занимаются там посторонними вещами.

Можно прибегнуть к *обратной* процедуре с анекдотами: посмотреть, каким образом на Западе воспринимаются русские анекдоты про иностранцев. В этих анекдотах присутствует некий автопортрет русских, который анализируется западными исследователями, а я предлагаю взглянуть на ре-

зультаты такого анализа. Это немного расширяет список стереотипных представлений о русских. Федерика Висани, например, делает вывод, что герой русского анекдота — агрессивный, грубый и лживый мужской шовинист, не заботящийся о семье и мечтающий только о том, чтобы выпить и закусить с друзьями. Он не проявляет никакого интереса и уважения к женщинам. Он не столько живет, сколько выживает, причем в таких условиях, в которых иностранцы не смогут жить заведомо. Он изобретателен, непредсказуем и может решить любые проблемы, недоступные иностранцам. Русская женщина в анекдотах — это хорошая домохозяйка, полностью отдающая себя семье и находящаяся в подчиненном положении по отношению к мужу³.

Агрессивность и мужской шовинизм — это такие черты, которые самим русским могут казаться смешными и поэтому присутствуют в русских анекдотах. Но с точки зрения западной политкорректности, эти черты настолько порочны, что над ними даже *смеяться невозможно*, они просто заслуживают презрения и порицания. Ф. Висани с ужасом, как мне показалось, цитирует следующий анекдот:

Встречаются как-то американка, француженка и русская. Ну, американка говорит:

— Я своему мужу после свадьбы так и сказала: «Я тебе готовить не буду!» Ну, день его не вижу, второй, а на третий он приносит микроволновку и сам себе готовит. Благодарь!

— А я, — говорит француженка, — тоже своему сказала, что стирать ему не буду. День его не вижу, второй, а на третий приносит стиральную машину и сам стирает. Классно!

Русская говорит:

— Я ему тоже сказала, мол, готовить, стирать и убирать я тебе не буду! День его не видела, второй, третий, а на четвертый день правый глаз немного стал видеть.

Если вы сейчас улыбнулись, вы — русский или русская (если не феминистка). Я пересказал этот анекдот друзьям и знакомым, и почти все смеялись, включая женщин. Но я

³ Visani, F. "An American, a French and a Russian meet on a desert island..." The representation of the foreigner and the cultural transfer in Russian contemporary jokes // Studi Slavistici II (2005): 157–172.

понял, что рассказывать его иностранцам я бы не рискнул. Вообще восприятие юмора — отличный индикатор особенностей национального характера. Так, всем хорошо известно отношение русских (бывших советских) людей к коллективной собственности: общая, значит ничья. Западному человеку такие вещи непонятны, как непонятно и советское отношение к работе. Помню, как рассказывал одной американке забавную (как мне тогда казалось) историю о студенческой работе в колхозе. История заключалась в том, что мне и еще двум студентам поручили перегрузить три машины арбузов в вагон. Поскольку носить их на руках было лень, мы грузили их методом игры в волейбол и, естественно, огромное количество арбузов — примерно с полмашины — разбились. Возле наших машин выстроилась очередь местных жителей с ведрами, которые собирали битые арбузы — кормить скот. И когда последней в очереди старушке арбузов не досталось, мы набили еще десяток специально для нее. Услышав эту историю, американка не только не смеялась, но была поражена тем, что такие вещи вообще можно делать и о них можно рассказывать. «Sabotage!» — все, что она смогла произнести.

Что еще поражает или удивляет иностранцев в русских и в России? На одном из сайтов в Интернете я обнаружил множество фотографий, сделанных иностранцем в России и комментарии к ним⁴. Согласно этим комментариям, помимо пьянства, удивление вызывают публичное поведение политиков и терпимость русских по отношению к ним, взаимоотношения милиции и ГАИ с гражданами, неуважение русских к милиции и правительству вообще, драки на улицах городов, качество дорог и странная русская манера их ремонтировать.

Канадец Джон Д., предки которого были выходцами из России, делится через корреспондента *The Yonge Street Review* А.Виноградова следующими впечатлениями. Русские не любят перемен. Реального выбора в России быть не может, что понятно даже из сказок: налево пойдешь — коня потеряешь, направо — сам сгинешь, а прямо пойдешь — лихие люди тебя ограбят. Поэтому русские и предпочитают все оставить по-старому: есть надежда, что хоть хуже не станет⁵. Русские

⁴ www.englishrussia.com

⁵ http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russian/newsid_3511000/3511688.stm

верят в судьбу больше, чем в Бога. На Божественное покровительство надеются не очень сильно. У Бога просят, но не очень ждут, что Он что-то даст. Как будет, так и будет. Русские готовы жить в любых условиях⁶. Что же касается таинственной русской души, то она является иррациональным критерием добра и зла, в то время как у западного человека вместо души — рациональные правила поведения:

У коренных русских нет строгого понятия нравственности, она у каждого конкретного россиянина очень разная. Один русский, к примеру, способен убить человека или украсть целый завод, а другой мухи не обидит и чужой зажигалки даже не возьмет.

А странное дело в том, что и тот, и другой полностью оправдывают свои действия, и мерилom их поступков выступает вся та же русская душа. Это прямо языческое мерило всего, что можно или нельзя конкретному русскому человеку.

И даже сама эта душа у русских вечно находится в нестабильном состоянии. Она то разрешает человеку греховные дела, то сопротивляется им, но в любом случае оправдывает своего носителя души...

Сами по себе русские люди могут показаться нам чрезвычайно безнравственными не потому, что они плохие, а потому, что ее, нравственности, у них нет в нашем, западном понимании этой нравственности.

У русских вечная борьба плохого и хорошего, потому что нет четких границ греха и дозволенного. Все, что у русских прописано в официальных правилах поведения, начиная от конституции и заканчивая инструкцией по проезду в общественном транспорте, подвергается постоянному нарушению⁷.

Важный источник информации о том, как русские воспринимаются на Западе, — *рекомендации западных культурологов* для туристов и бизнесменов, собирающихся в Россию. Например, на одном из сайтов для бизнесменов читаем, что ключевые концепты и ценности русской культуры — это коллективизм, эгалитаризм и русская душа. В суровых клима-

⁶ http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russian/newsid_3560000/3560133.stm

⁷ Там же.

тических условиях России, пишет автор, кооперация и сотрудничество всегда были более важны для выживания, чем конкуренция. Сделки часто заключаются, исходя из перспективы равного распределения прибыли между партнерами. Успешный бизнес строится на основе добрых человеческих отношений. Тем не менее, русские не доверяют неподписанным документам. Почта ненадежна, поэтому предпочтительно пользоваться факсом или e-mail. Русские позволяют себе быть непунктуальными, но от иностранцев ожидают пунктуальности. Русские не знают, что такое 'privacy', поэтому распространены физические контакты, такие как объятия. Перед тем как перейти к делам, можно поговорить о личном, например, о семье. Нужно дарить и принимать символические подарки. Не надо стесняться эмоций. В случае конфликтов лучше решать их на основе личных неформальных связей и избегать действий с точки зрения официальной позиции. Нежелательно хвалить кого-то прилюдно, так это выглядит подозрительно и может вызвать зависть. Во время переговоров русские воспринимают склонность к компромиссу как слабость⁸.

Известный культуролог Ричард Льюис в книге "When Cultures Collide" советует западным бизнесменам, имеющим дело с русскими, следующее:

«1) Если у вас сильные карты, не переигрывайте. Русские — гордые люди, и их нельзя унижать. 2) Они не настолько заинтересованы в деньгах, как вы; поэтому они в большей мере, чем вы, готовы отказаться от сделки. 3) Вы можете основывать свое решение на фактах, которые являются сухими (cold) для вас, но эмоционально значимы для них. 4) Они ориентированы на человеческие отношения, а не только на сделку. Попробуйте понравиться им. 5) С самого начала окажите им какую-нибудь услугу (a favor), но дайте понять, что делаете это не из-за слабости. Ваша услуга должна быть лично-ориентированной и не связана с обсуждаемыми делами. 6) Они обычно действуют коллективно, поэтому не уделяйте особого внимания кому-нибудь одному. Зависть к успеху другого — тоже характеристика русских. 7) Им нравится демонстрировать понимание, когда на самом

⁸ www.communicaid.com/russian-business-culture.asp

деле они не понимают, о чем идет речь, а также они имеют тенденцию говорить вещи, которые, как они думают, вы хотите услышать (восточная черта), поэтому не воспринимайте слишком серьезно все, что слышите. 8) Русские в основном консервативны и не принимают слишком резких изменений. Вводите новые идеи постепенно и поначалу не слишком настаивайте на них. 9) Решение о том, что правильно, а что нет, принимается согласно чувствам большинства, а не согласно закону. 10) Все, что они делают в своей собственной стране, осуществляется через сложную сеть личных взаимоотношений. Услуга за услугу. Они не ожидают никакой помощи от официальных лиц⁹.

Обратите внимание, что Р. Льюис обнаруживает у русских черты *восточных людей*. В связи с этим интересно обратиться к тому, кто такой, с точки зрения Запада, восточный человек вообще. Книга Эдварда Вади Саида «Ориентализм» посвящена, в частности, этому вопросу. В качестве типичных представлений он цитирует воззрения лорда Кромера, управлявшего от имени Британии Египтом в 1882—1907 гг. Согласно последнему, уму восточного человека совершенно чужда точность, ему недостает симметрии. Арабы не умеют логически мыслить, не способны вывести самые очевидные следствия из допущения, которое сами же признают истинным. Их объяснения лишены ясности, они противоречат сами себе. Восточные люди легковверны, лишены энергии и инициативы, привержены к лести, лживы, коварны. Восточный человек действует, говорит и думает противоположно по отношению к европейцу¹⁰.

Для ориенталиста существенные черты Востока — это чувственность, склонность к деспотизму, спутанная ментальность, привычка к неаккуратности, отсталость, молчаливое безразличие, пассивная податливость¹¹. Не напоминают ли они «русскую» агрессивность и неспособность к демократии, фата-

⁹ Перевожу по цитате, приведенной в: *Привалова, И. В.* Интеркультурная и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) : монография. М. : Гнозис, 2005. С. 206—207.

¹⁰ *Саид, Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб. : Русский мир, 2006. С. 62.

¹¹ Там же. С. 317—318.

лизм и лень, иррациональность и задушевность? Очевидно, что многие стереотипные черты русских являются характеристиками восточного человека как такового, а не какими-то специфическими русскими чертами. Если сами русские отличают себя как от восточных людей, так и от западных, то для Запада они являются частью Востока.

Русские знают о том, как их воспринимают на Западе, частично соглашаясь с приписываемыми им характеристиками. Однако согласны они далеко не со всеми стереотипами. Обычно они признают за собой те достоинства и недостатки, которые и в самой России считаются свойствами русского характера. Да, у нас плохие дороги и много дураков, особенно в правительстве! Да, мы много пьем, но зато как веселимся! Да, нас невозможно понять, мы сами себя понять не можем, но зато «соображалка» как работает! И так далее.

Например, Вячеслав Яцко рассматривает следующие стереотипные представления по поводу русских: они 1) агрессивны, 2) воры, 3) взяточники и взятодатели, 4) гостеприимны, 5) ленивы, 6) пьяницы. С тем, что русские агрессивны, В. Яцко категорически не согласен. С точки зрения самих русских, они скорее терпимы и дружелюбны, в том числе и по отношению к другим народам. В частности, это отражалось в странном характере Российской, а затем Советской империи, в которой многие нерусские этносы пользовались поддержкой правительства и порой жили намного лучше, чем сами русские. С тем, что русские — воры и взяточники, В. Яцко согласен полностью. Воровство — это что-то наподобие национального спорта. Практически каждый человек либо воровал сам, либо был обворован. При этом милиция в большинстве случаев бездействует, поэтому каждый сам вырабатывает правила игры, не рассчитывая на ее помощь. Русские действительно гостеприимны, но не в отношении всех. Русские не столько ленивы, сколько беспечны и поэтому не доводят дело до конца. Они могут бездельничать, но могут долго и интенсивно трудиться, если работа им интересна. Русские — пьяницы, но не самые большие в мире¹².

¹² Yatsko, V. Specific Features of Russian National Character // http://zhurnal.lib.ru/j/jacko_w_a/russcharacter.shtml

Статья В. Яцко довольно показательна, так как его аргументация в основном открыто опирается на его *личный опыт*. Для западного читателя он — эксперт. Но другой русский человек может с ним либо соглашаться, либо нет, в зависимости от его собственного опыта. В связи с этим возникает вопрос о методах *объективации* нашего интуитивного знания о русской душе. Судя по литературе, в качестве таких методов применяются психологические тесты, социологические опросы и методы лингвистической семантики, направленные на описание русской языковой картины мира и составляющих ее лингвоспецифических концептов. При этом перечисленные методы делают наше знание объективным лишь в какой-то мере, т. е. постольку, поскольку применяются к репрезентативным выборкам, учитывают частотное распределение лексических единиц, описывают семантику языка в целом, а не словоупотребление отдельных людей. Следует понимать, что и результаты опросов и тестов, и результаты лингвистических исследований, в конечном счете, интерпретируются учеными на основе их опыта, эрудиции и языковой интуиции. Таким образом, вряд ли может существовать какое-то совершенно объективное описание русского характера и русской картины мира. Тем не менее, попробую обратиться к соответствующей литературе и, опираясь на нее, описать основные свойства русской души.

Во-первых, у русских *особенное отношение к своей судьбе*, часто именуемое русским фатализмом. «Авось, небось да как-нибудь, первые сопостаты наши»¹³. Но откуда эта надежда на авось? Да потому, что, желая лучшего, русский человек понимает, что далеко не все в жизни зависит от его собственных усилий. Это знание заключено в пословицах и поговорках: «Чему быть, того не миновать», «От судьбы не уйдешь», «На роду написано», «Человек предполагает, а Бог располагает», «Что ни делается — все к лучшему», «Бог дал, Бог взял», «От тюрьмы и от сумы не зарекайся», «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Русская языковая картина мира предполагает, что события — и хорошие, и плохие — происходят

¹³ Статья «Сопостат» в словаре Даля // <http://vidahl.agava.ru/cgi-bin/dic.cgi?p=215&t=38207>

с человеком как бы сами собой, без его активного участия или независимо от того, что он делает.

При этом такие специфические русские глаголы как *удалось, привелось, довелось, пришлось, случилось, посчастливилось, повезло, получилось, вышло, сложилось, собираюсь, стараюсь, не успел, угораздило, умудрился* выражают идею, что происходящее с человеком не полностью контролируется им, и «могут использоваться как средство снятия с себя ответственности за происходящее: они позволяют не брать на себя лишних обязательств... или не признавать своей вины...»¹⁴

Так, слово *добраться* подразумевает, что процесс преодоления пространства в России не просто долог и труден, но и в какой-то степени непредсказуем. Видимо, это связано с тем, что у нас не просто традиционно плохие дороги (там, где они вообще есть), но и всегда возникают какие-то дополнительные сложности. Например, несмотря на все рыночные преобразования и подорожания, у нас нельзя гарантированно купить нужные билеты и спланировать путешествие заранее, как это делается в Европе или Америке. В метафорическом же значении *добраться (до какого-либо дела)* сближается со словом *собраться*.

Русский человек может собираться, собираться, а затем не собраться что-то сделать. *Не собраться* является одним из наиболее специфических и непередаваемых русских выражений. Чтобы собраться, «необходимо мобилизовать свои внутренние ресурсы, и это трудно»¹⁵. Поэтому русский человек предпочитает что-то сделать не специально, а *заодно, между делом*, т. е. не прикладывая особых усилий. Эта идея выражена в таких глаголах, как *зайти, занести* и т. п. Мне часто приходилось слышать, что на Западе не принято ходить в гости без приглашения, в то время как у нас это нормально. «*Зайти к кому-то в гости* в отличие от *пойти в гости* можно без предварительного приглашения и даже без заранее сформированного намерения. Чтобы *пойти* к кому-то, надо *собраться, выдаться* да еще и *добраться...*; человек, который зашел к кому-то, был от всех этих трудных вещей избавлен»¹⁶.

¹⁴ Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М. : Языки славянских культур, 2006. С. 209.

¹⁵ Там же. С. 215.

¹⁶ Там же. С. 216.

Такое описание русской языковой картины мира созвучно гипотезе Ксении Касьяновой о том, что русский человек по своему психологическому типу — *культурный эпилептоид*. Эпилептоид подвержен сильным колебаниям состояния, настроения, активности, он не умеет подстраиваться и требует, чтобы ему дали делать то, что он начал. Эти периоды апатичности и упрямства у эпилептоида время от времени прерываются бурными и сокрушительными эмоциональными взрывами. «В общем, чувствуя свой этнический тип изнутри, мы вынуждены будем сказать, что что-то от эпилептоида в нем есть: замедленность и способность задерживать реакцию; стремление работать в своем ритме и по своему плану; некоторая “вязкость” мышления и действия (“русский мужик задним умом крепок”); трудная переключаемость с одного вида деятельности на другой; взрывоопасность также, по видимому, имеет место»¹⁷. На основе психологических тестов К. Касьянова делает вывод, что русский человек «инерционен, не склонен к изменениям, любит привычные ситуации, но не потому, что боится нового или в принципе неспособен к нему приспособиться. Он только не хочет, потому что ему трудно фиксировать внимание сразу на многом. Но если нужно (и когда это имеет смысл), он вполне способен вводить и даже “внедрять” новое и сам может изобретать»¹⁸. Русский человек с трудом переключается с труда на отдых и наоборот. Отсюда — традиция длинных многодневных праздников. «Один день для эпилептоида — вовсе ничто, он и растормозиться как следует не успеет. С другой стороны, начав веселиться, он также не может сразу остановиться, и веселится долго и основательно, пока не исчерпает запас веселья»¹⁹.

С верой в судьбу, с трудностями переключения и собирания связаны такие знаменитые черты русского характера как *терпение* и *лень*. Русский человек может вытерпеть очень многое — бедность, голод и холод, несправедливость — потому что «Бог терпел и нам велел». Но и потому, что лень что-то менять, предпринимать. Тем более, что в этом нет особого

¹⁷ Касьянова К. О русском национальном характере. М. : Академический проект, 2003. С. 147.

¹⁸ Там же. С. 160–161.

¹⁹ Там же. С. 173.

смысла, ведь в итоге будет «как всегда». То есть, с одной стороны, терпение — это фундаментальная православная ценность, связанная с подражанием Христу, желанием принять страдание, самоограничением и презрением к удовольствиям, любовью к ближним и врагам. С другой стороны, терпение — это оборотная сторона практической мудрости народа, живущего в непредсказуемом мире.

В русской культуре лень хоть и заслуживает порицания, но это понятный всем, прощительный недостаток, она может даже ласково называться матушкой: «Лень-матушка заела». О лени можно говорить сочувственно, во множестве пословиц состояние безделья описывается как положительное, а значения словосочетаний со словами *лень* и *ленивый* могут варьироваться от *бездушный* и *равнодушный* до *томный, праздный, знающий вкус жизни*²⁰.

Лень связана с *надеждой на чудо*. Настоящее *счастье* должно само прийти к русскому человеку, который ничего особенного не предпринимал для его достижения, — так же, как оно сваливается на голову сказочным героям Емеле и Ивану-Дураку. В этом смысле лежать на печи и ждать свою судьбу — вполне достойное занятие. Во всяком случае, русскому человеку никак не свойственно аристотелевское представление о том, что лучше то счастье, которое сделал собственными руками²¹. Такое счастье он и счастьем-то не назовет. Счастье должно быть подарено, что возможно в сказках, но редко случается в мире русской культуры. Согласно

²⁰ Привалова, И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) : монография. М. : Гнозис, 2005. С. 226—227.

²¹ В «Никомаховой этике» Аристотель обсуждает вопрос о том, какое счастье лучше: «Есть ли счастье результат обучения, приучения или еще какого-то упражнения, дается ли оно как некая божественная доля или оно случайно? Конечно..., весьма разумно допустить, что и счастье дарится богами... В то же время [счастье] — это нечто общее для многих, ведь благодаря своего рода обучению и усердию оно может принадлежать всем, кто не увечен для добродетели. А если быть счастливым так лучше, чем случайно, то разумно признать, что так и бывают [счастливыми]...» См.: *Аристотель*. Соч. в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1984. С. 68.

А. Зализняк, «представление о том, что *на свете счастья нет*, отражено в русском языке в невозможности высказать утверждение, что оно *есть*»²². В отличие от английских слов *happy, happiness*, слово *счастье* не является повседневным и описывает состояние, отклоняющееся от нормы. С одной стороны, быть счастливым *немного стыдно*, с другой — разговор о счастье предполагает серьезность и *особую задушевность*. *Счастье* относится к «высоким» словам, которые неприлично произносить просто так.

Созерцательность русского человека можно понять в свете его ориентации на *вечность*. Перед лицом вечности нет особого смысла устраиваться, укореняться во временном существовании. Такая ориентация выражается, в частности, в относительной бедности временных грамматических категорий русского языка, если его сравнивать с английским. Она же проявляется в отношении русских людей *к труду и его результатам*.

К. Касьянова цитирует епископа Феофана: «Дело — не главное в жизни, главное настроение сердца, к Богу обращенное»²³. Если использовать термины М. Вебера, у русских доминирует не целерациональная, а ценностно-рациональная мотивация. Поэтому работа, направленная на улучшение материального благосостояния, отходит на второй план, как только появляется возможность *настоящего дела*. А многие в ожидании такого дела просто «лежат на печи». Из этого дела русский человек никакой личной выгоды не извлечет, но будет чувствовать свою приобщенность к смыслу. «Свои дела он откладывает, а ценностное действие, как правило, не завершается каким-то определенным результатом: в нем это и не предусмотрено, ведь оно — часть какой-то коллективной модели, по которой должны «продействовать» многие, прежде чем что-то получится»²⁴.

Всем известно отношение к работе, выражаемое в пословицах «Работа — не волк, в лес не убежит», «От работы

²² Зализняк, А. А. Указ. соч. С. 265.

²³ Касьянова, К. О русском национальном характере. М. : Академический проект, 2003. С. 127.

²⁴ Там же. С. 191.

кони дохнут», «Работа дураков любит» и т. п. В английском языке таких пословиц вроде бы нет совсем. Невозможно адекватно перевести на английский язык советскую фразу «награда за честный и добросовестный труд», поскольку в англоязычной картине мира труд не может быть иным²⁵. Отсутствие позитивных результатов труда в английском и русском языке также маркируется по-разному: *неудачник* — это тот, кому не повезло, кому можно посочувствовать, а *loser* — это просто ругательство.

Многие усматривают специфику русского характера в *противоречивости и склонности к крайностям*. Николай Бердяев писал:

«Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионистическая стихия и аскетически-монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность, эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт»²⁶.

Указанные черты обнаруживаются и при исследовании русского языка. Так, прилагательное *русская (русское)* типично сочетается в нашем языке со словами *удаль, широта и прямота, сметка и смекалка, гостеприимство и хлебосольство, задушевность и щедрость, беспечность, бесхозяйственность и расхлябанность, лень и барство*. Е. В. Рахилина в книге «Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость» высказывает предположение, что инвариантом выявляемых таким образом «русских» качеств является «отсутствие ограничителей или сдерживающих тенденций, своего рода “центробежность”, отталкивание от середины; это и

²⁵ Привалова, И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) : монография. М. : Гнозис, 2005. С. 225.

²⁶ Бердяев, Н. А. Самопознание: Сочинения. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 14–15.

есть то единственное, что объединяет щедрость и расхлябанность, хлебосольство и удаль, свинство и задушевность. Русские охотно признают у себя самые разные недостатки, важно только, чтобы это были “выдающиеся” недостатки, связанные, так или иначе, с идеей чрезмерности/безудержности»²⁷. Лично я думаю, что по аналогии можно объяснить и русское пьянство: многие русские похваляются количеством и крепостью выпитого, т. е. считают, что если уж пить, то по-настоящему.

По *стилю коммуникации* культуры определяют как высококонтекстные или низкоконтекстные. Русская культура — высококонтекстная, так как в ней доминирует не прямое взаимодействие, основанное на намеках, предположениях и выводных знаниях. Североамериканской низкоконтекстной культуре свойственна большая прямота и детальность, логичность и целенаправленность используемых в коммуникации выражений²⁸. Соответственно, русские, как и вообще восточные люди, должны казаться американцам непонятными. Кроме того, русские могут избегать прямого взгляда, что американцами может восприниматься как уклончивость и лживость²⁹. Вообще прямота и логичность западного человека делает для него непостижимой русскую душу, тогда как ее тайна — в иррациональности.

Главный положительный герой русских сказок — дурак, и именно дурацкое поведение, а не ум, оказывается необходимым условием счастья. Значения слов *безумный* и *безрассудный* содержат не столько отрицательную, сколько положительную оценку. В рамках оппозиции душа — тело русский язык отводит уму «место в “низкой” сфере, объединяя интеллектуальное с телесным и противопоставляя его душевному и духовному»³⁰. В связи с этим С. Г. Тер-Минасова следующим образом объясняет разницу между словами *душа* и *soul*: «Для русского народа, у которого в национальной системе ценностей на первом месте стоит духовность, “душа” — главное, стер-

²⁷ Привалова, И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) : монография. М. : Гнозис, 2005. С. 125.

²⁸ Там же. С. 150–173.

²⁹ Там же. С. 161.

³⁰ Зализняк, А. А. Указ. соч. С. 258.

жневое понятие, превалирующее над рассудком, умом, здравым смыслом. Англоязычный же мир, наоборот, поставил в основу своего существования Его Величество Здравый Смысл, и поэтому *body* (тело) противопоставляется не душе (*soul*), а рассудку (*mind*), в то время как в русском языке две ипостаси человека — это тело и душа или, вернее, душа и тело...»³¹.

Будучи иррациональным, русский человек и ведет себя соответственно, руководствуясь не рассудком, а чувством, сердцем. С этим связаны и доминирующие в русской культуре представления о морали³². Моральное поведение у русских не формализуемо. Русские предпочитают поступать *по совести*, а не руководствоваться правом и законом. Все, даже юристы, у нас прекрасно осознают, что можно быть хорошим добрым человеком, не соблюдая закон, и поступать плохо, живя в соответствии с ним. Закон и суд — это одно, а *справедливость* — это другое. В словаре Даля «на 89 пословиц, выражающих сомнение в существовании судебной справедливости, приходится лишь 17 изречений, утверждающих обратное»³³.

Государство, т. е. чиновники и милиция, призванные стоять на страже закона, воспринимаются обычно как что-то отдельное от народа, от людей. Соответственно, каждый отдельный чиновник или милиционер может выступать в двух совершенно разных ипостасях: либо как служащий, либо как человек. К. Касьянова справедливо пишет, что знать свое государство мы не хотим, поскольку оно изначально противостоит русскому человеку как нечто враждебное. «Мы не только слабо представляем себе распределение функций между различными учреждениями, способы их взаимодействия и подчиненности, мы часто отказываемся признавать даже сам

³¹ Цит. по: Привалова, И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) : монография. М. : Гнозис, 2005. С. 304–305.

³² Например, Вл. С. Соловьев, автор единственного русскоязычного системного трактата по этике, по своим воззрениям этический сенсуалист, т. е. полагает, что в основе морали лежат особые чувства, а не разум.

³³ Сикевиц З. В., Крокинская О. К., Поссель Ю. А. Социальное бессознательное. СПб. : Питер, 2005. С. 129.

принцип их деятельности: мы очень долго стараемся “обходиться” без них, решая проблему собственными средствами»³⁴. Точно так же мы стараемся обходиться и без знания закона.

Русский человек вообще предпочитает решать большинство дел на неформальном уровне, *по-человечески*. А это, помимо прочего обозначает добровольно отказываться от каких-то прав и брать на себя дополнительные обязанности. Это значит верить на слово там, где с юридической точки зрения уместен контракт или расписка. Это значит делать какие-то одолжения или просить о них. Причем просить принято не столько за себя, сколько за других.

Просьба в русской культуре предполагает «вовлечение адресата в определенный тип взаимных *отношений*, где от каждого участника предполагается наличие некоторых “добрых чувств” по отношению к другому. Обращение к человеку с просьбой означает тем самым вторжение в чужую личную сферу — не только в том смысле, что от человека ожидаются какие-то действия, а прежде всего в том, что ему навязываются определенные чувства. И что наиболее характерно — просьба входит в число обычных, ежедневно производимых действий, является элементом быта, а глагол *просить*... — характерным признаком русского дискурса»³⁵.

Вовлекая друг друга в подобные отношения, русские люди оценивают друг друга по человеческим критериям, а не исходя из соответствия поступков инструкциям и законам. Предполагается, в частности, что человек иногда не делает то, что обязан, и делает то, чего не обязан делать. В целом критерий человечности очень расплывчат, каждый понимает его лишь интуитивно. Но именно он лежит в основе выбора друзей и вообще тех, с кем общаешься.

Общеизвестно, что русские слова *друг*, *дружба* не переводятся адекватно английскими словами *friend*, *friendly*, обозначающими скорее знакомых и знакомство. Друг — это тот, кому целиком доверяешь и часто говоришь *по душам*. «Общаться по-русски означает приблизительно ‘разговаривать с

³⁴ Касьянова, К. О русском национальном характере. М. : Академический проект, 2003. С. 80.

³⁵ Зализняк, А. А. Указ. соч. С. 294.

кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта'... Слово *общаться* содержит, кроме того, идею некой бесцельности этого занятия и получаемых от него *удовольствия* или *радости*...»³⁶ Еще одно типично русское занятие, в некотором смысле противоположное общению, — это *выяснение отношений*, когда люди говорят друг другу неприятные вещи. В целом русский человек очень сильно зависит от мнения о нем других, намного больше, чем человек на Западе.

Итак, многие западные стереотипы относительно русских оказываются справедливыми, если речь идет о поведенческих чертах. Но оценки соответствующих свойств русского характера оказываются радикально противоположными снаружи и изнутри: глупость, лень, мужской шовинизм и преступность, видимые извне, оборачиваются для самих русских их особой мудростью, созерцательностью, терпимостью, пониманием различия мужчин и женщин, неформальностью подлинных человеческих отношений.

³⁶ Зализняк, А. А. Указ. соч. С. 291.